

Полина Рей
Тати Блэк

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

В постели с МОНСТРОМ

Тати Блэк

В постели с монстром

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Блэк Т.

В постели с монстром / Т. Блэк — «ЛитРес: Самиздат», 2019

После жуткой аварии, унёсшей жизнь его невесты, Герман Ильинский превратился в равнодушного монстра. Теперь в его жизни - лишь беспорядочные связи и море алкоголя. И желание забыть. Однажды в жизнь Германа врывается известие - у него есть дочь, мать которой умерла при родах, и теперь он - единственный, кто сможет подарить малышке любовь и ласку. Но для того, чтобы это сделать, Герману придётся обзавестись женой. Задача не из лёгких, ведь мало кто захочет оказаться... в постели с монстром. В изготовлении обложки использован исходник shutterstock 1187675737. Содержит нецензурную брань.

© Блэк Т., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

– Ильинский, вставай!

Кто-то с нечеловеческой силой ударил Германа чуть повыше задницы, и он выматерился сквозь крепко стиснутые зубы. Это могла быть только его сестра. Ирина. Вроде имя такое ласковое, а сама его обладательница – не очень.

– Ир, если ещё раз так сделаешь, я за себя не ручаюсь, – хрипло пообещал Герман, накрываясь подушкой с головой.

Зараза-сестра уже успела убрать с окна шторы, и теперь прямо ему в морду лица лился поток солнечного света. Охренеть, как вовремя это сраное солнце появилось. Прямо под занавес декабря.

– А я тебя не боюсь. Вставай, иначе уже я за себя не ручаюсь.

Довод был весьма себе доходчивый. Герман снова выругался, на этот раз мысленно, и, откинув одеяло, буркнул:

– Отвернись, я не одет.

– Ой, что я там не видела? – отозвалась сестра, но всё же отошла к окну и встала спиной к Ильинскому.

И зачем он так вчера надрался? На этот вопрос у Германа ответа не было. Как впрочем каждый раз, когда он задавался им наутро.

Подняв с пола мятые джинсы, он натянул их прямо без белья и, заприметив на столе початую бутылку минералки, прихватил ту и плюхнулся в кресло. Какого хера сестра подняла его ни свет, ни заря, он не знал.

– Чего тебе надо? – поинтересовался довольно грубо, и Ира повернулась к нему.

– Я так и знала, что ты обо всём забудешь.

– О чём?

Нет, она издевалась, иначе как ещё можно было назвать эти Ирины хождения вокруг да около очнувшегося после попойки и ни черта не соображающего мужика?

– Мы едем в дом малютки. Знакомиться с твоей дочерью.

Б*я... опять она за старое. А он ведь, было, понадеялся, что эта тема канула в прошлое.

Когда несколько недель назад с ним связались и сообщили, что одна из тех девок, которых он имел неосторожность трахнуть, не только родила ему дочь, но ещё и умудрилась отправиться на тот свет во время этого прекрасного процесса, Ильинский ржал конём. Потому что это походило если не на сюрреализм чистой воды, то на фантастику и попытку пожить за его счёт как минимум.

А вот Ира, которая восприняла новость с таким воодушевлением, будто на неё просыпалась манна небесная, начала раскапывать детали. Их оказалось не так и много. Некая Дарья Землянская родила дочку, которую назвала Алиной. Почти сразу после родов умерла, но успела перед смертью кого-то там попросить связаться с отцом ребёнка, коим и оказался Герман, чтобы тот позаботился о малой. Вот и всё, что было известно.

– Исключено. Ты ради этого меня разбудила?

– Я думаю, тебе будет интересно взглянуть на бумаги. – Ира устроилась напротив брата и положила ногу на ногу. Кивнула на папку, лежащую на туалетном столике. – Это результаты ДНК. Пришлось повозиться, чтобы взять пробу у Али.

Герман возрился на сестру с неподдельным изумлением. Он напрочь не понимал той прыти, которую она проявляла относительно этого дела с ребёнком. Ну нашлась дочка или бог весть кто. Ну ей и в доме малютки явно будет совсем неплохо. По крайней мере, там у неё шансов обрести нормальную семью гораздо больше, чем рядом с уродом-отцом, у которого из развлечений в программе только вечера неистового бухания.

– Просто скажи, что там, я не настроен на то, чтобы изнурять себя утренним чтением.

Ира фыркнула и покачала головой. Взяла папку и, вынув из неё одну из бумаг, кинула Герману.

– Вероятность девяносто девять процентов, что она твоя.

Ильинский тупо уставился на столбцы и цифры, не видя ровным счётом ничего. Снова хотелось выпить. С ним такое редко бывало, чтобы нажирался прямо с утра, а тут что-то накрыло.

– Окей. И что ты предлагаешь?

– Для начала – сходи в душ.

– Ир, я серьёзно.

– И я. Сходи в душ, приведи себя в порядок. Позавтракай, что ли, уже наконец нормально. Потом скатаемся в дом малютки. Познакомишься с Алиной. Я договорилась.

Договорилась она, мать-перемать. А его вообще хоть кто-то спрашивал, чего хочет он?

– Зачем тебе это? – поинтересовался Герман, возвращая ей бумаги.

– Потому что по счетам надо платить, Ильинский. Ты задолжал.

– Ир, ты стареешь. Такую хрень ты не выдавала до этого ни разу.

– Если хочешь меня зацепить – не выйдет. Срать я хотела на твои попытки. В душ, одевайся, завтракай и я жду тебя через час в машине.

Она поднялась из кресла, взяла документы и пошла к выходу из комнаты. Надо будет отдать приказ не пускать сестру на территорию его дома. Хотя, о чём это он? Даже если Герман на это и решится, Ира наверняка найдёт способ проникнуть к нему.

– Слушаюсь, товарищ командир, – вяло проговорил он, отворачиваясь от сестры и переводя взгляд за окно. Какой сегодня день, не помнил. То ли середина декабря, то ли уже двадцатые числа. Кажется, Новый год скоро. На который ему плевать. И почему всё вот так стало? Раньше и праздникам радовался, и ждал всё чего-то нового. Впрочем, на этот вопрос ответа у него не было, да он его и не искал.

Когда за сестрой закрылась дверь, Герман ещё некоторое время посидел в кресле, размышляя. Он поедет в этот чёртов дом малютки. Тогда будет существовать вероятность, что мелкая, увидев его рожу, устроит концерт по заявкам, и необходимость забирать её домой отпадёт сама собой.

Ильинский невесело ухмыльнулся и всё же поднялся и поплёлся душ. Это будет самым правильным вариантом и для него, и для неё. Так что оставалось надеяться, что Алина в этом плане не подкачает.

Выйдя из душа и повязав полотенце вокруг бёдер, Герман оперся обеими руками на раковину и посмотрел в зеркало. Да уж... морда опухла с перепоя, потому шрамы казались ещё более уродливыми. Один из них пересекал щёку от верхней губы, заканчиваясь на внешнем уголке глаза, оттягивая тот вниз. Остальные «боевые ранения» были ещё более живописными. Не мужик – мечта.

И снова, как то бывало всегда, будто любой взгляд в зеркало – это триггер, в памяти всплыли воспоминания. Даже сейчас, по прошествии нескольких лет, он чувствовал, как острые стёкла впиваются в лицо и тело, пока он захлёбывается беззвучным криком от понимания, что сидящая рядом женщина, за которую был готов любому глотку перегрызть, – мертва.

Ильинский склонился над раковиной и плеснул себе в лицо несколько пригоршней ледяной воды. Изуродованное лицо пылало, казалось, что он и сейчас пытается выдрать из него стекло. Режет руки, но не отпускает, тянет за острые края.

Резко оттолкнувшись, Герман растёрся полотенцем и вышел из ванной. В голове снова шумело, как было каждый раз, когда думал о прошлом. Но когда начал одеваться, мысли перетекли на маленькую Алину.

Ильинский действительно думал, что ей будет гораздо лучше с теми, кто сможет стать для неё семьёй. Что он мог предложить крохотному ребёнку? Круглосуточную няню и попытки сделать вид, что участвует в жизни дочери? И то исключительно деньгами и интересом, который ограничится вопросом, как там мелкая сегодня? Да, пожалуй, это максимум, на что он способен. И чего он в принципе мог бы пожелать, хотя, не желал. Он вообще ничего не хотел по отношению к этому ребёнку.

Завтракать Ильинский не стал. Ему сейчас явно кусок в горло не полез бы. Он вообще плохо понимал сейчас, чего добивается Ира. Заставить его забрать себе Алину она не могла. А если этого не сделает он, то добьётся ровно того, чего и хотел – оставит девочку там, где её смогут найти родители. Не уродливый папаша со шрамами везде, где только можно и нельзя, а настоящие мама и папа, которые будут любить ребёнка.

Ильинский вышел из спальни минут через десять. Мрачный и готовый ехать хоть в дом малютки, хоть к чёрту на рога. И с чётким пониманием, что попытается отделаться от этого глупого занятия как можно скорее.

– И всё же я не понимаю, – глухо проговорил он, покосившись на сестру. Последние годы за руль он не садился, а сейчас даже пожалел, что не взяли водителя. Стилль езды Иры был довольно жёстким, и Герману даже пару раз захотелось попросить её остановиться, чтобы он мог выйти из её чёртовой балалайки.

– А я и не ждала, что поймёшь, – пожала плечами сестра, перестраиваясь в левый ряд.

– Тогда какого чёрта мы туда едем? Если отбросить всю эту ху*ню по поводу платы по счетам.

– У неё никого нет. А она классная.

– Ты её видела?

– А как по-твоему, я договаривалась обо всём? Правда, пришлось закинуть бабла. – Ира поморщилась, остановилась на светофоре и повернулась к Герману. – Но у нас везде так. Не подмажешь – не поедешь.

– И? На кого она похожа?

– На тебя. Лысая, сероглазая. Правда, не орёт, в отличие от некоторых. Молчит.

– Круто. Ну ты прям идеальную дочь описала.

– А у тебя другой быть просто не могло.

Ира поджала губы, Ильинский – закатил глаза. Поводов для веселья он не видел. Никаких.

– Ладно, давай уже покончим с этим, чтобы ты успокоилась, – буркнул он и, сложив руки на груди, отвернулся к окну.

В доме малютки было... странно. Он ожидал увидеть что-то совершенно противоположное. Весёлое, что ли. А тут, куда ни кинь взгляд – унылость высшего разряда. Не спасали даже криво нарисованные на светло-зелёных казённых стенах грибы и ягоды. И какая-то футуристического вида лиса. Отовсюду надвигалась чёртова безнадёга. И тишина. Вот что его поразило. Гробовая тишина.

Здесь же вроде как дети. Должны слышаться смех, голоса, плач, в конце концов. Почему тогда так тихо? Пока Ира с кем-то переговаривалась, Герман устроился на выдавшем виды дерматиновом диване и понял, что он чутко прислушивается. На него беззастенчиво пялились те, кто проходил мимо, но Ильинский к такому давно привык. Первые несколько месяцев после того, как его выписали из больницы после аварии, он намеренно выходил на люди. В бар например, даже в клуб. Это было своего рода извращением – видеть брезгливость по отношению к себе и понимать, что она является отражением того, что чувствовал сам Герман. Потом захотелось одиночества. Стать изгоем, запереться в четырёх стенах и послать всё на хер. Что он

впоследствии и сделал. Это помогло смириться хоть с чем-то. Со своим внешним обликом – да. С остальным – нет. Да он этого и не желал.

– Герман Александрович, сейчас мы принесём Алину, идёте со мной, – улыбнулась ему фальшивой напрочь улыбкой неприятная на вид женщина, которая старалась не пялиться на его лицо.

Он поднялся с дивана и пожал плечами. Захотелось уже завершить всю эту экзекуцию как можно быстрее. Потому – чем скорее они проделают все необходимые процедуры по «счастливому воссоединению дочери и отца», тем лучше.

– Давайте, – проговорил Герман уныло, и, поймав взгляд сестры, отвернулся, потому что увидел в нём то, чего сам не испытывал давным-давно.

Надежду.

Когда в комнату внесли какого-то крохотного куклёнка, Ильинский заподозрил, что над ним решили пошутить. Ребёнок казался ненастоящим, а в розовом нелепом костюме, в котором он утонул, и вовсе – несуразным.

Алина. Её зовут Алина, – напомнил Герман себе, когда фальшиво-лучезарная женщина вручила ему малышку, которую он неуклюже перехватил.

– Ну, я пожалуй, вас оставляю. Для вас время посещения не ограничено, но...

Повесив в воздухе паузу, приправленную запахом дешёвых приторных духов, она вышла, оставив Германа, Иру и Алину втроём.

– Сколько ты ей платишь? – мрачно уточнил Ильинский, так и не решившийся опустить взгляд и посмотреть на лицо его... дочери.

– Достаточно для того, чтобы получить то отношение, которое считается нормальным.

– Видимо, на неё, – он указал на Алину подбородком, – это не распространяется. Ты видела, во что одели ребёнка?

– О! Ильинский, а ты уже начал проявлять отцовское участие!

– Ир, не смешно. Тут любой бы не только проявил участие, но и устроил здесь разборки.

– Герман, мы не в самом радужном месте на планете. Это дом, куда сбавривают детей после рождения. Или куда попадают не от хорошей жизни. Так что...

– И всё же.

Он наконец решился и посмотрел на ребёнка. И с удивлением понял, что мелкая всё это время за ним наблюдала. На кукольном личике, которое было по размеру едва ли больше его кулака, темнели серой грозовой тучей широко распахнутые глаза. Такие серьёзные, как будто Алине было не...

– Напомни, сколько ей?

– Четвёртый месяц. А что?

– Ничего. Они должны быть такими маленькими в этом возрасте?

– Нет.

– Тогда какого чёрта она такая?

– Потому что... у неё нет человека, ради которого она захотела бы жить.

– Что за бред?

У Ильинского от слов сестры по позвоночнику озноб прошёл. Так ведь не бывает. Чтобы настолько крошечный ребёнок уже знал, есть у него человек, для которого он хочет существовать, или нет.

– Это не бред, Герман. Это суровая правда жизни.

Ира резко поднялась с дивана и подошла к узкому окну, оставив Ильинского почти что наедине с Алиной. А мелкая так и глазела на него. И молчала.

Герман боролся с тем, что зарождалось внутри. Вернее, не совсем боролся. Просто понимал, что эти чувства слишком чужеродны, и очень сомневался в том, что он может испытывать подобное.

А потом Алина сделала то, чего он никак не ожидал – обхватила хрупкой ручонкой его палец и закрыла глаза, очевидно, намереваясь поспать.

– Ир!

– Господи, что?

Сестра оказалась возле них через мгновение.

– Она дрыхнуть что ли легла? Или как это понимать?

– Ага. Спит вроде. Ладно, если так, пойду с заведующей пообщаюсь. Обговорим, какие бумаги нужны и что дальше делать.

– Ты меня одного оставишь, я не понял?

– Почему одного? С Алиной.

И не успел Ильинский сообщить сестре, что он об этом думает, Ира вышла из комнаты, а он так и замер, держа ребёнка на сгибе локтя. Хм, странно. А ведь мелкая не перепугалась, не устроила истерики, не стала орать, как оглашенная от того, что увидела перед собой.

Герман выпростал одну руку и почесал заросший тёмной щетиной подбородок. Алина поёрзала и он неуклюже её покачал. Наверное, дело было вовсе не в том, что она была вроде как его дочерью. Окажись на её месте любой другой ребёнок, который не знал, ради кого ему стоит жить, Ильинский бы и тогда испытал то, что испытывал сейчас. Словно что-то внутри неожиданно ожило и стало царапаться – не больно, но ощутимо. Давно забытые ощущения, которые он считал заживо похороненными.

Он всматривался в лицо Алины – на то, как она хмурит брови, как трогательно причмокивает губами и силился понять, почему ощущает потребность спрятать её ото всех и защитить. Ведь вроде бы никакая опасность ей не грозит, да и он чётко понимал, что если оставит мелкую здесь, её заберут гораздо более подготовленные для воспитания детей люди. Так почему сейчас кажется, что это неправильно? Намеренно отказываться от неё и отдавать другим?

– Ну? Пообщались? О, заснула Алиша. Она мало спит, – с порога зашебетала та женщина, которая уже была ему глубоко неприятна. – Давайте заберу её и отнесу в кроватку, чтобы вам было удобнее.

– Мне удобно, – отрезал Герман и посмотрел на неё так, чтобы у неё сразу отпали все вопросы относительно того, что он хочет в принципе кому-то отдавать ребёнка. – Когда я смогу её забрать?

– Забрать?

Она растерянно оглянулась на вошедшую следом Иру.

– Да, забрать. Она моя дочь и я хочу её забрать.

– Видите ли...

Женщина осеклась, и Ильинский, вскинув брови, воззрился на сестру. Кто тут только что рассказывал про нормальное отношение?

– Есть формальности. Их нужно соблюдать в любом случае.

– Давайте будем их соблюдать.

– Вам нужно пройти школу приёмных родителей.

– Что?

Он мало представлял себе, что это такое, но определение «школа» Герману решительно не нравилось. Да чтобы он, тридцатилетний мужик пошёл снова в какую-то сраную школу?

– Школа приёмных родителей, Ильинский, – фыркнула Ира и, ловко забрав у него Алину, покачала, когда та заворочалась. После чего, вручив ребёнка «миссис фальшивая улыбка», кивнула на выход:

– Поехали. Есть, что ещё обсудить.

И Герман, поднявшийся с дивана и бросивший напоследок быстрый взгляд на мелкую, понял, что у Иры для него, должно быть, заготовлено что-нибудь особенно дерьмовое.

Когда устраивались в кафе, куда, вопреки желанию Германа, его затащила сестра, он понял, что именно прокручивает в памяти. То, как держал Алину на руках. Даже казалось, что может почувствовать её крохотный вес прямо сейчас. Какой он у неё? Пара килограммов от силы? И хрупкость помнил до чёрточки, а ещё, в противовес ей – серьёзность, с которой на него смотрела дочь.

Дочь. Такое странное слово, будто бы из другой вселенной. Параллельной, которая никогда не пересечётся с ним. Когда Оли не стало, он поставил крест на этой стороне жизни. И совсем не шрамы на морде были тому виной. Он вообще ничего больше не хотел – ни жены, ни детей. Никого, кто способен будет стать близким, впитаться под кожу, а потом исчезнуть из-за какой-нибудь херни. А теперь у него была Алина. И даже если бы ДНК не показало, что она его дочь, он испытал бы уродливое и неправильное желание забрать мелкую. Спрятать ото всех, дать всё, что сможет, пусть мог он не так уж и много.

– Ну? Как она тебе? – задала вопрос Ира, когда они сделали заказ официанту.

– Нормальная малая. Точнее, ненормальная. Что вообще это за фигня?

– Одна из нянечек рассказывала, что такое бывает. Они просто перестают расти и развиваться. Им нужен значимый взрослый рядом, только тогда они хотят жить.

– По мне – бред чистой воды.

– Ну, ты сам её видел. – Сестра пожала плечами. – И да, она полностью здорова, если вдруг ты решишь, что её недообследовали.

– Ты вызывала к ней нормального врача?

– Представь себе.

Ильинский не сдержался и растянул губы в улыбке. Поистине, Ира не переставала его удивлять. И когда только успела всё это провернуть? Впрочем, у него был ответ на этот вопрос. Когда он бухал и не желал принимать во внимание наличие Алины.

– Хорошо. Что ты знаешь про эту сраную школу?

– Не сраную, а очень даже необходимую, даже если есть желание отказаться. Там всё просто. Несколько десятков академических часов. Тебя научат взаимодействию с ребёнком. Ничего сложного.

– Ага. За исключением того, что я вообще под это не заточен.

– Ну, заточишься.

Ира кивнула официанту, который принёс им кофе, и вдруг произнесла совершенно будничным тоном:

– У меня правда есть ещё условие.

– Прости – что?

Ильинский взял чашку, но так и не донёс её до рта. Нехорошее предчувствие разрослось до огромных размеров. Не зря он понял, что у сестры для него припасено что-то ещё. Иначе с какого хрена она сейчас заговорила об условиях? И вообще с чего взяла, что имеет право ему их ставить?

– У меня есть условие, выполнив которое ты сможешь забрать Алину.

– Вообще-то она *моя* дочь.

– Пару часов назад ты отрешивался от этого, как чёрт от ладана.

– Теперь всё иначе.

– И тем не менее. Я считаю, что имею право сделать всё, чтобы девочка росла в нормальной обстановке.

– Что ты подразумеваешь под нормальной обстановкой?

Он начал закипать. Тон сестры и то, что она вообще какого-то чёрта решила, будто имеет право что-то там ему диктовать, выбесили его так сильно, что в венах вспенилась злость.

– Малышке нужна мать.

– Исключено.

Ильинский откинулся на спинку и сложил руки на груди, будто хотел защититься. Похоже, Ира сошла с ума.

– Если ты не пойдёшь на это условие, я сделаю всё, чтобы органы опеки не отдали тебе Алину. И тогда заберу её сама, чего бы лично мне не хотелось, потому что настолько родной ей всё же ты, а не я. Не факт, конечно, что у меня получится, но... Подумай, нужно ли тебе это, если в основе того, что я так настойчиво предлагаю, лежат исключительно добрые намерения в отношении Алины.

Герман посмотрел на сестру, искренне надеясь, что она шутит. Но, судя по всему, Ира была абсолютно серьёзна. А вот он уже начал мысленно прикидывать, каким юристам звонить, чтобы они разрушили эту ситуацию. И всё же не мог удержаться, чтобы не уточнить:

– У меня есть только один вопрос.

– Да?

– Ира, ты ох*ела?

– Воу-воу, папаша! Учись сдерживаться. При ребёнке ругаться тебе будет непозволительно.

– И всё же?

– Нет. Я не ох*ела, как ты изволил выразиться. Я просто обозначаю свой ультиматум для нормального существования твоего ребёнка.

– Поверь мне, для того, чтобы Алина нормально со мной существовала, нам никто больше не нужен.

– Нужен. Я это знаю. Как только малышка окажется у тебя, ты обеспечишь её всем, что тебе кажется необходимым, и по сути, она снова окажется в тех же условиях, что и в доме мамочки.

– С чего ты взяла, что так будет?

– Потому что я не первый год замужем. – Она невесело улыбнулась, и Ильинский испытал дискомфорт. Может, Ира права? Сейчас ему претило само понимание, что Алина находится в казённом доме под чёрт его знает каким присмотром. И что он не имеет никаких прав на своего же ребёнка. А когда мелкая окажется рядом... Пока он даже не мог представить, как оно всё пойдёт дальше.

– Можно подумать, какой-то левой бабе будет дело до чужого ребёнка.

– Не левой бабе, а той, кто действительно полюбит Алину как свою.

– А я уж думал, ты намекаешь, чтобы я предложил ей бабла.

– Почти. Для начала надо найти няню. Пусть походит с тобой в школу приёмных родителей. Потом предложишь ей взять опеку. Я узнавала, как это можно сделать юридически, чтобы у тебя остались все права на ребёнка.

– Б*я, Ира... ты меня сегодня не перестаёшь удивлять. Когда ты всё это успела?

– У меня есть секрет. Если не бухать круглые сутки – столько дел можно переделать.

Она поджала губы, сдерживая улыбку, а Герману стало в очередной раз не до смеха. Он мало представлял себе, что будет ходить в какую-то там школу, а потом – начнёт нянчиться с ребёнком. А тут ещё и вместе с ним это станет делать какая-то эфемерная женщина, которой он даже не знает.

– Помочь тебе найти кандидатку? – словно прочитав его мысли, склонила голову набок Ира, и Ильинский резко поднялся из-за стола.

– Сам справлюсь, – буркнул он и, бросив на столик крупную купюру, направился в сторону выхода из кафе.

Ему предстояло подумать об очень многих вещах. И приступить к этому он собирался не ранее, чем выплеснет злость в спортзале один на один с боксёрской грушей.

– Это уже пятая жалоба за месяц. Разве я не предупреждал тебя в прошлый раз, что следующая станет последней?

Она стояла, поджав губы и упрямо глядя в пол. Поднимать глаза на тошнотворно-торжествующее лицо Родиона – главного менеджера отеля «Атлантик» – просто не было никаких сил.

– Отвечай же! – повысил голос Родион. – Какого черта ты опять мешала господину Рыбакову в его номере?

Мешала она, как же. У нее была совершенно иная версия по поводу произошедшего, но Родион упорно не желал слышать ничего, что шло бы вразрез с его главным постулатом – «клиент всегда прав». И плевать, что этот клиент вот уже не первый раз распускал по отношению к ней свои руки, а когда она упрямо не поддавалась домогательствам – звонил и жаловался на то, что «эта ваша кучерявая горничная» пытается его совратить. Хотя кому в трезвом уме могло стукнуть в голову совращать этого жирного борова – она представить себе не могла, даже если бы напрягла всю свою фантазию.

– Зачем ты вертела перед его носом своей короткой юбкой, Нина? – продолжал бессмысленный допрос Родион.

Нино. Ее звали Нино. Красивое грузинское имя – то единственное, что досталось ей в память об отце. Но и это говорить Родиону было совершенно бесполезно.

Она уже давно с удовольствием послала бы и этого менеджера, и этот отель ко всем чертям, но подобной роскоши позволить себе, к сожалению, никак не могла. Другой работы, не имея никакого, даже средне-специального образования, она могла попросту не найти, а деньги ей были отчаянно нужны, потому что являлась единственной в своей небольшой семье, кто был способен работать.

– Вообще-то это моя униформа, которую мне вы же и выдали, – наконец возразила Нино Родиону на очередную несправедливую претензию.

– Ну так вот что я тебе скажу, дорогуша – эта форма тебе больше не понадобится. Ты уволена.

Ей показалось, что ее со всего маху ударили по голове – хлестко, оглушающе, до звона в ушах. Уволена... самое страшное слово, которое она только могла себе представить. То, которого боялась до безумия с тех самых пор, как... Как поняла, что в этом мире без денег невозможно получить ничего. Ни образования, ни помощи, ни даже простого людского участия. Все покупалось и продавалось, жаль только никому было не заложить то единственное, что имела – собственную душу. А ведь она продала бы ее, не задумываясь, хоть самому чёрту, в тот самый момент, когда отчаянно нуждалась в деньгах, вот только этот товар востребован никем не был. Как и не было ни единому человеку никакого дела до ее бед. И этому напыщенному Родиону, что чувствовал себя сейчас таким значимым с высоты своего положения, когда увольнял ее – тоже. И бесполезно было умолять его сжалиться, да она и не собиралась этого делать. Больше никогда.

Тем более, что уже и не было того, ради кого готова была позволить себя растоптать и унижить.

– Он всё-таки тебя уволил?

Нино обернулась на голос и увидела в дверях каморки, где переодевался персонал, свою теперь уже экс-коллегу – веселую пышку Свету, работавшую в отеле шеф-поваром. Пожав плечами, сказала в ответ спокойно, как о чем-то малозначительном:

– Уволил.

И ощутила, как внутренности с новой силой начинает грызть тревога от неизвестности того, что будет с ней дальше. А следом за этим накатило и сдавливающее грудь непонимание, что вообще делать с собственной жизнью. Вопросами о том, почему все так для нее сложилось, Нино перестала задаваться уже давно. Роптать на судьбу все равно не было никакого толку.

– И куда ты теперь? – поинтересовалась Света с таким участием в голосе, от которого Нино вдруг стало жаль саму себя. Подавив и это ещё одно бесполезное чувство, она ответила:

– Пока не знаю.

– Варианты-то есть?

– Никаких.

Признавать этот простой факт было жутко. Она представила, как скажет маме, что лишилась работы и так ясно, словно та была сейчас перед ней, увидела ее бледное, усталое лицо... Нет, она просто не сможет ей в этом признаться. Вот только как найти работу в самые краткие сроки, чтобы утаить случившееся – пока не знала совершенно.

– Слушай, – заговорила вдруг Света и Нино подняла на нее глаза, ощутив вдруг, что та хочет сказать ей что-то важное. – У меня брат работает в одном богатом доме и...

– Там нужна горничная? – спросила Нино с нетерпеливой надеждой.

– Не совсем. Они ищут няню.

Нино ощутила, как по спине пробежал неожиданный озноб. Губы едва слушались, когда она, хоть и не без труда, но все же смогла из себя выдавить:

– А сколько ребенку лет?

– Кроха ещё, кажется. Несколько месяцев всего.

Несколько месяцев... Нино вдруг с поразительной живостью вновь ощутила, каково это – держать на руках младенца, который бессознательно и доверчиво к тебе тянется; почувствовала, как наяву, на кончиках пальцев забытое ощущение – прикосновение к нежной детской коже... И поняла, что просто не выдержит этого снова. Не сумеет ни за что на свете.

– Спасибо за предложение, – сказала она, пытаясь подавить дрожь в голосе. – Но мне это не подходит.

– Ты подумай всё-таки... – сочувственно глядя на нее, сказала Света. – Там зарплата очень хорошая, в несколько раз больше, чем здесь. Я тебе дам телефон брата... – пошарив в кармане передника, она вытащила оттуда вырванный из блокнота лист с номером телефона. – Его зовут Ян. Он готов тебя порекомендовать.

Нино больше механически, нежели по желанию, взяла в руки протянутый листок и, сунув его в карман куртки, подхватила сумку со своими скромными пожитками и спешно попрощалась, едва ли не бегом направившись к выходу. Подальше от этого места, подальше от ненужного уже сочувствия и воспоминаний, которые накатили с новой, рвущей душу в ошмётки, силой.

Студёный декабрьский ветер ударил в лицо, когда Нино вышла из автоматически раздвинувшихся перед ней дверей на улицу и прошагала по ступенькам вниз, к тротуару. На последней она замерла и в невольном порыве оглянулась на здание, в которое больше никогда не вернётся.

Возможно, все это к лучшему. Больше не придется терпеть приставания хамоватых постояльцев отеля вроде этого Рыбакова, считавшего, что если у него есть деньги – то он имеет право на все; не нужно будет сносить окрики Родиона, воображавшего себя, по всей видимости, царем, просто потому, что стоял на служебной лестнице выше нее; не будет надобности

пахать в две смены, получая при этом оплату как за одну. И, вспоминая сейчас все это, Нино попыталась уговорить себя, что у нее ещё будет шанс найти что-то получше, вот только запас ее жизненного оптимизма, похоже, уже довольно прилично истощился.

Она поправила сумку на плече и спрятала руки в карманы куртки, пытаясь согреть их таким нехитрым способом. Единственные перчатки были потеряны ещё неделю тому назад, а на новые было попросту жаль денег. Уж это-то она как-нибудь перетерпит, не страшно.

Ледяной ветер снова ударил в лицо, рассылая по всему телу холод, пробирающий, казалось, до самой души. Мимо нее куда-то спешили люди, вдалеке мерцала праздничными огнями одна из городских ёлок – верный признак приближающегося Нового года, а она шла, спрятав подбородок в старенький шарф, и думала только о том, как выжить в своем новом статусе безработной.

Конечно, ее сейчас рассчитали, как положено – за все полмесяца, что она успела отработать, но этого надолго не хватит, ведь даже ее полной зарплаты не всегда было достаточно на семейные нужды. И так, от получки до получки, в общем-то, жили, наверное, многие, но, Господи, как же она устала от этого бесконечного страха и ответственности, рождённой пониманием, что ей абсолютно не на кого надеяться, кроме себя самой.

Хотя Света, кажется, искренне проявила о ней заботу. В голове всплыли слова: «там зарплата в несколько раз выше, чем здесь...». Может быть, ей стоит все же позвонить этому Яну? Возможно, она сумеет вытерпеть в должности няни хотя бы месяц или два, а потом, поднакопив денег, поищет что-то другое. Хотя далеко не факт, что даже его рекомендация поможет ей получить это место. У нее ведь не было абсолютно никакого опыта подобной работы, а богатые люди, как правило, хотели для своих детей все только самое лучшее. А это явно было не о ней.

Закусив губу, Нино дошла сквозь упрямый ветер, бросавший в лицо колючие хлопья снега, до своей остановки и стала ждать автобус. Ей ещё предстояло объяснить матери, почему она пришла домой раньше обычного.

В их маленькой коммунальной квартирке с общими на целый этаж ванной, кухней и туалетом, уже давно не пахло ничем, кроме лекарств, и этот въевшийся в старые стены запах рождал внутри Нино какое-то нескончаемое чувство безнадежности. Хотя с этим она тоже постепенно научилась жить.

– Мама, я дома, – крикнула она, поспешно стаскивая с себя куртку и по привычке прислушиваясь к звукам, тем самым пытаясь уловить, чем занята мать. И посреди пугающей тишины различила приглушённые стоны, заставившие ее спешно пройти в комнату, служившую им и залом, и спальней.

Мама сидела на потрёпанном жизнью диване, смежив веки и сжав губы, и, судя по ее измученному виду, ее терзал очередной приступ подагры.

– Мамочка. – Нино опустилась рядом с ней на колени и коснулась холодными пальцами материнских рук, только сейчас заметив, что кожа на одной из них покраснела. – Что с руками? – спросила встревоженно, хотя уже заранее знала ответ.

– Кипятком обожглась, – выдохнула мама едва слышно. – Взяла чайник и тут вот... – она указала кивком на свои опухшие изуродованные пальцы.

Нино тайком сглотнула, ощущая, как мучительно сжимается сердце при виде материнских разбитых болезнью рук и от осознания собственного бессилия ей помочь.

Она уже давно запретила маме делать по дому что бы то ни было, но той приходилось хотя бы самостоятельно наливать себе чай или греть еду, и, видимо, сегодня был один из тех случаев, когда приступ застал ее врасплох в самый неподходящий момент.

Внутри вновь зашевелились угрызения совести от того, что не может обеспечить маме должную заботу. Будь у них деньги, она имела бы возможность нанять хоть какую-нибудь помощницу, а вместо этого могла позволить себе разве что лекарства, которые действовали

далеко не так эффективно, как хотелось бы. Но все же это подобие лечения позволяло Нино утешить себя тем, что делает для мамы хоть что-то.

И вот теперь она лишилась работы. И скромного запаса средств надолго им явно не хватит.

Захотелось вдруг зарыдать, уткнувшись маме в колени в поисках поддержки. Зареветь отчаянно, в голос, выплескивая наружу всю усталость и боль, что накопились в душе. Но даже этого она себе позволить не могла. Потому что должна была сама являться для мамы опорой.

Зато она могла все же попытаться получить хорошо оплачиваемую работу. И для этого даже не нужно было ни перед кем унижаться. Достаточно было только переступить через себя и терзавшие ее кошмары и просто позвонить. Всего лишь один звонок... всего лишь ещё одно преодоление.

Так мало, если смотреть на это со стороны и так трудно для нее.

И так отчаянно необходимо.

До продиктованного ей по телефону адреса пришлось добираться долго и трудно – сначала на автобусе за город, а потом на такси. Потому что до престижного поселка, где располагался искомый дом, конечно, не ходил никакой общественный транспорт. Жившие здесь состоятельные люди просто не нуждались в старых неотапливаемых автобусах, где стекла от холода были покрыты инеем, а салон был согрет только дыханием огромного количества людей, которые разве что на головах друг у друга не стояли, с трудом втискиваясь в маленький «ПАЗик». Нет, в этом месте все ездили на дорожных иномарках и вряд ли вообще знали, что это такое – общественный транспорт.

Изначально она надеялась добраться до нужного дома пешком, но пройти четыре километра по морозу в минус пятнадцать градусов было бы настоящим сумасшествием. И хотя совесть грызла ее изнутри от того, что тратит скромные сбережения на такси, Нино все же утешала себя мыслью, что здоровье ей сейчас необходимо гораздо больше.

Маме утром она сказала, что нашла работу лучше, чем в отеле, вот только упоминать о том, что ее на эту должность могут и не взять, не стала. Не хотела тревожить понапрасну. И теперь, как итог, оказалась в ситуации, когда ей нужно было получить это место любой ценой.

Все эти мысли проносились в ее голове по кругу, пока таксист наконец не затормозил у огромного, метра в три высотой, забора.

– Приехали, – сообщил он лаконично и Нино, быстро расплатившись, вылезла наружу.

Из-за высокой темной изгороди рассмотреть то, что за ней скрывалось, было совершенно невозможно, и внешне неприступный вид дома, где она надеялась получить работу, откровенно пугал. Но отступать было уже слишком поздно. Да и недопустимо.

Нажав на кнопку звонка, над которым висел глазок камеры, Нино дождалась, когда ей ответят и назвала свое имя. Минуты три спустя, показавшихся ей из-за холода чудовищно долгими, дверь все же распахнулась, являя ее взору высокого, метра в два ростом, охранника.

Оглядев ее внимательно с головы до пят, тот кивком головы указал ей на дом, тем самым позволяя пройти. Сделав глубокий вдох в тщетной попытке усмирить бешеный стук сердца, Нино шагнула за ворота и по широкой дорожке направилась к дому.

Жилище людей, которые искали себе няню, выглядело, надо сказать, не слишком-то приветливо. Дом был выстроен из темного кирпича и с обеих сторон его окружали высокие сосны, словно ещё одни молчаливые стражи. Свет в окнах почти не горел и в целом все выглядело так, будто здание было почти необитаемо. Неужели именно здесь находился ребёнок, которого ей, возможно, предстояло нянчить? Это отчего-то казалось странным. Несоответствующим. Невозможным.

У двери, ведущей в дом, Нино немного помедлила, а затем постучала. Просто так взять и войти без предупреждения в эту неприступную обитель она не рискнула.

Дверь ей открыл, судя по виду, ещё один охранник. И снова – пристальный осмотр, словно она представляла собой какую-то угрозу, а следом – одна-единственная короткая фраза:

– Я вас провожу.

Господи, неужто хозяин дома боялся, что она его ограбит?

Молча кивнув, Нино покорно последовала за своим конвоиром, не рискуя даже оглядывать окружающую ее обстановку. Просто шла, упёршись взглядом в широкую мужскую спину и подняла глаза только тогда, когда охранник распахнул перед ней дверь и неожиданно яркий свет ударил в лицо, принося с собой неожиданное понимание, что весь остальной дом был погружён в полумрак.

Не давая себе возможности передумать и, развернувшись, бежать отсюда подальше, Нино решительно шагнула в комнату и выдохнула с облегчением, когда навстречу ей из кресла поднялась молодая женщина со вполне дружелюбным выражением лица.

– Вы, наверное, Нино, – сказала она, делая охраннику знак выйти. – Добрый день.

– Добрый, – откликнулась Нино, пожимая протянутую ей руку. – Да, это я.

– Вы знакомая нашего Яна, не так ли?

Вообще-то, не так. Она слышала этого человека только по телефону, и то лишь однажды, но страх, что в случае, если она скажет правду, ей тут же откажут от места, заставил все же сказать:

– Да.

– Присаживайтесь, – предложила женщина, указывая на кресло напротив себя, и Нино, даже не расстегнув куртки, опустилась на самый край явно очень дорогой мебели.

– Меня зовут Ирина, я подбираю няню для своей племянницы. Скажите, Нино, есть ли у вас опыт подобной работы?

Господи... вот так сразу, в лоб?

– Нет, – ответила она на сей раз честно, мысленно готовясь к тому, что ей тут же укажут на выход.

– А обращаться с младенцами вы умеете?

– Да.

– У вас есть собственные дети?

– Не совсем. У меня брат... был.

– Он уже вырос?

– Он умер.

Повисла пауза. Нино не находила в себе сил поднять глаза, чтобы увидеть лицо Ирины. Подумалось вдруг – после подобного признания ей наверняка ни за что не доверят ребенка. Ведь так легко решить, что раз она не уберегла родного брата, то и этого младенца ей вверять ни в коем случае нельзя...

– Простите, – наконец сказала женщина и Нино с трудом выдавила в ответ:

– Ничего.

Она ожидала, что Ирина захочет узнать о том, что случилось с ее братом, но та неожиданно перевела тему:

– Давайте я расскажу вам немного об Алине.

Кивнув, Нино все же взглянула на свою собеседницу и то, с какой теплотой Ирина заговорила о племяннице, неожиданно успокоило дребезжащие нервы.

– Алина сейчас находится в доме малютки. Ей уже почти четыре месяца, но она выглядит совсем крохой. Проблемы роста, но это все решаемо. Мой брат скоро заберёт ее к себе и поэтому мы ищем хорошую няню.

На языке вертелся вопрос о том, где мать ребенка, но Нино не решалась задать его вслух. Однако Ирина, похоже, легко прочитала ее мысли:

– Мама Алины умерла при родах.

– Мне очень жаль.

Интересно, а был ли кто-то, кто готов был заменить малышке мать? Нино не была уверена, что готова взять на себя ответственность за малютку, о которой, кроме отца и тети, даже позаботиться больше было некому. Хотя... был ли у нее выбор? Да и должность эту ей все равно никто пока не предлагал.

Они немного помолчали и Нино уже готова была услышать дежурную фразу «мы вам перезвоним» и проследовать на выход, но вместо этого Ирина сказала:

– Вы мне нравитесь, Нино. Я думаю...

Договорить она не успела. Дверь стремительно распахнулась, громко ударившись о стену и, вздрогнув от неожиданности, Нино услышала злой мужской голос:

– Ну и какого хера тут происходит?

– Чисто теоретически ты прав, Герман. Но на практике...

Руслан Кузнецов, правая рука Ильинского и по совместительству друг, пожал плечами и бросил документы на стол.

– Что на практике? – хмуро поинтересовался Герман, мгновенно закипая от того, что, похоже, ему придётся в любом случае идти на поводу самодурства сестры.

– На практике Ира предлагает хорошую тему. Про то, что тебе нужна женщина, я молчу, это не моего ума дело, а вот пройти эту школу – вполне.

– По закону, ты сказал, этого не нужно.

– Не нужно. Но я переговорил с людьми, которые в этом соображают – они советуют потратить на это время, если конечно, ты хочешь всё сделать по уму.

– А что с судебной тяжбой?

– Тут ничего не могу сказать. Но достаточно вспомнить, кто у Иры муж, и в каком государстве мы живём.

– Млять.

Герман отошёл к окну и засунул руки в карманы брюк. Чем больше он обо всём этом думал, тем больше ему хотелось послать Иру ко всем чертям и сделать всё по-своему. Чего только стоили все эти кандидатки на роль няни для Алины, которых он отсмотрел, повинаясь чёртовой блажи сестры! Ни одну из них он даже в страшном сне представить не мог рядом с дочерью, не говоря уже о том, чтобы доверить им опеку над малышкой. А меж тем, время шло, Алина находилась в этих ужасных условиях, а он бился, как рыба об лёд.

Ему даже в голову пришла дурацкая мысль нанять любую из них, а потом довести до белого каления, чтобы она смоталась как можно дальше и быстрее. И почему он вообще должен тратить своё время на эти детские глупости?

– Ладно. Значит, ты советуешь...

Герман сделала паузу, обернулся к Руслану и вопросительно поднял бровь.

– Я советую сделать так, как предлагает Ира.

– Предлагает... – Ильинский насмешливо хмыкнул. – Последнее, что она делает – так это предлагает.

Он снова уставился в окно, туда, где усталая снегом земля искрилась на солнце. Может, все и правы. Никто ведь не вынуждает его влюбляться в эту эфемерную женщину, которую он ещё в глаза не видел. А Алине нужна будет мать. Ко всему, если вдруг ему что-то не понравится, он всегда может выгнать няню куда подальше, действуя исключительно в интересах ребёнка.

– Если у тебя всё, то... мне начинать готовить все необходимые документы?

– Начинай, – кивнул Ильинский. – А я попробую откопать уже эту чёртову кандидатку, которая мне наконец понравится.

Весть о том, что к нему домой не только приехала Ира, но уже успела устроить собеседование, разумеется, не уведомив его об этом, настигла Германа после пробежки. И когда эта зараза всё успевала? Чуть он из дома, ей часа хватило, чтобы продолжать распространять свои порядки.

Не удосужившись принять душ, Ильинский направился напрямик туда, где обустроилась сестра, в данный момент беседовавшая ту несчастную, которую он уже мысленно выгнал на мороз. Голос Иры услышал ещё из-за двери. Сестра, как ни в чём ни бывало, сообщала кандидатке, что та ей нравится. Вывод из этого суждения был только один – Ира уже решила, что наймёт эту незнакомую ему женщину на работу няней к его дочери. К его, чёрт бы всё побрал!

– Какого хера тут происходит? – процедил он, распахивая дверь в свой кабинет. Ира, на лице которой лишь на секунду мелькнуло что-то вроде неудобства, пожала плечами и ответила:

– Я подбираю няню Алине. Ты ведь этим вопросом не озадачился.

– Какого чёрта ты снова суёшь свой нос, куда тебя не просят?

На девушку он даже не посмотрел. Что толку было вообще обращать внимание на ту, которую он уже мысленно уволил, не успев принять на работу.

– Герман, какой ты... невоспитанный. Вообще-то не стоит при посторонних обсуждать подобное.

– Да. При посторонних не стоит. – Всё же повернувшись к девушке, которая сидела на краю кресла с таким выражением на лице, будто вот-вот готова была сбежать, он неожиданно замер. Она показалась ему... удивительно знакомой. Определённо, он где-то уже её видел, вспомнить бы только, где.

– Это Нино, Герман. Нино, это мой брат. Отец Алины, – пользуясь его замешательством, представила их друг другу Ира, и Ильинский нахмурился.

С одной стороны, единственное, чего ему сейчас хотелось – выставить эту несчастную Нино за порог, чтобы она вообще сюда забыла дорогу. А следом то же самое проделать и с Ирой. Правда, вторая вряд ли бы так просто успокоилась и перестала к нему навещать. Но с этим он уже почти смирился. С другой... с другой стороны, Нино при первом на неё взгляде, неприятия у него не вызвала.

– Добрый день, – тихо поздоровалась та. Ильинский заставил себя отвести взгляд от её лица, чтобы снова посмотреть на сестру. Ира же в свою очередь выглядела бесстрастной, будто вообще только и занималась, что вот так вот подбирала кандидатов в няни для тех, кто её об этом не просил.

– Можно тебя на секундочку? – проговорил Герман и, не дожидаясь, пока Ира ответит, вышел из кабинета.

– Герман, ну ты... напугал девушку. Мало того, что я не успела ей рассказать про аварию, а ещё орёшь, как потерпевший, – покачала головой Ира, выходя в коридор следом за ним.

– Если бы ты не лезла не в свои дела, или если бы хотя бы предупредила о том, что устроила собеседование, всё прошло бы куда более приятно для всех нас.

– Я уже поняла, что с тобой иначе действовать нельзя.

– Ира, мне не десять лет.

– Вот именно. И запасной жизни у тебя нет. Как и у Алины.

– Как она, кстати?

– Ничего. Но думаю, что она заслужила, чтобы ты забрал её на гостевой режим хотя бы на Новый год. Пока все бумаги оформляются, можно это сделать.

– Серьёзно?

– Да. – Ира улыбнулась и кивнула на дверь кабинета. – Нино мне понравилась, правда. У неё тоже трагедия случилась. Умер брат. Кстати, мне показалось, или вы с ней знакомы?

– Показалось. Или если мы с ней и знакомы, то я её не помню.

– Боже... только не говори мне, что она одна из тех, кого ты оприходовал в период бурной жизни Германа-младшего.

– Исключено.

Ильинский поморщился и подтолкнул Иру к выходу из коридора.

– Пойду теперь сам с ней пообщаюсь, если ты не против, – в последние слова он вложил весь сарказм, на который только был способен.

– Не против. И будь помягче. Хотя, вряд ли тебе это удастся.

Нино так и сидела на том месте, где они с Ирой её оставили несколько минут назад. Когда Ильинский вернулся, сначала подняла на него глаза, следом поднялась из кресла сама, очевидно, решив, что её сейчас попросят на выход.

– Извини за то, что случилось, – проговорил Герман, подходя к массивному столу и опираясь на него бедром. Руки сложил на груди, как будто хотел очертить границы своей территории.

– Ничего страшного, – тихо откликнулась Нино. – Мне пора уходить?

Столько всего было в этом вопросе, что Ильинскому стало не по себе. Вроде и произнесла она его ровным голосом, но вот те нотки, что можно было не столько расслышать, сколько прочувствовать, полоснули по живому.

– Нет, не пора. Мы ведь с тобой ещё не обсудили твои обязанности.

Герман всматривался в её лицо, не мелькнёт ли на нём омерзения. Его внешность представляла из себя ту ещё картину, но Нино, которая глядела на него прямо, не отводя глаз, кажется, совершенно не испытывала неприязни.

– Я слушаю.

– Наверное, Ира сказала тебе, что у Алины проблемы с набором веса и роста.

– Да.

– Ей будет нужно неустанное внимание. Постоянное. Но я буду тебя контролировать. Тоже постоянно. Ты к этому готова?

Она сомневалась только долю секунды, но всё же ответила:

– Готова.

– Жить ты будешь здесь, в этом доме. Нужно будет обустроить детскую, твоя комната будет смежной с ней. Разумеется, у тебя будут выходные. Когда Алина окрепнет, я хочу свозить её на море. Ты будешь нас сопровождать. Позаботься о паспорте, пожалуйста.

– Он у меня есть.

– Хорошо.

Герман слабо улыбнулся. Странно, но сейчас, когда перечислял всё это, у него не было сомнений в том, что он справится. Они справятся. И словно воочию видел, как Нино склоняется к кровати Алины, как берёт её на руки, как укачивает.

Эти картинки ему нравились. Ровно до того момента, как по нервам острой бритвой прошлось совсем другое воспоминание. В такие моменты его накрывало. Кислород в лёгких заканчивался, а острая боль – там, где раньше было сердце – перекидывалась на лицо, руки, тело.

Он сделал жадный вдох и ухватился за край стола, впиваясь в него пальцами с такой силой, что хрустнули суставы.

– Всё. Ты принята. Можешь идти, – хрипло выдавил он из себя, сейчас мечтая только о том, чтобы остаться одному. – Завтра возвращайся, уладим остальные вопросы.

Слова давались с трудом, но Нино, хвала небесам, не стала проявлять ненужного внимания. Просто шепнула: «До свидания» и быстро вышла из кабинета.

Его отпустило не сразу. Только через несколько минут после того, как он подошёл к окну и проводил фигурку девушки взглядом, смог прийти в себя.

Что ж, Ира оказалась права и в этом случае. И кажется, он начал смиряться ещё и с этим. Теперь дело осталось за малым – понять, какая же она, эта странно-знакомая девушка, от которой веяло какой-то безнадежностью.

Нино.

Выйдя за ворота дома, что смотрел ей вслед темными провалами глазниц-окон, Нино испытала... облегчение. Что-то невидимо давило на грудь, и причин тому было сразу несколько.

Во-первых, судя по всему, никакой женщины, кроме Ирины и самой Нино, рядом с малышкой находиться не будет. Ей придется быть с Алиной двадцать четыре часа в сутки и из этого вытекала следующая проблема – с кем оставить маму на то время, что сама она будет жить в этом особняке? Ведь за матерью требовался постоянный уход. А значит, нужно будет нанять сиделку... денег, полученных после увольнения, возможно, хватит где-нибудь на неделю, а потом... потом ей остаётся только надеяться на то, что новый работодатель выплатит ей аванс. Или же – придётся собраться с духом и, объяснив свою ситуацию, попросить его об этом. Эта мысль казалась Нино ненавистной, но иногда жизнь не давала иного выбора, кроме как просить у тех, кто был богаче и сильнее тебя. И она надеялась, что Герман окажется чуть более сердобольным, чем те, с кем судьба сводила ее прежде.

Герман... она помнила этого человека, хотя он ее, конечно же, не узнал. Такие люди, как он, не запоминали в лицо случайных знакомых, которым было до них также далеко, как простым смертным – до небожителей. И единственная встреча с ним была тем редким случаем, когда Нино остро жалела о том, что у нее нет ничего – ни положения, ни денег, ни гламурной внешности – для того, чтобы заинтересовать собой этого мужчину.

Это случилось в те времена, когда она ещё была девчонкой, верившей, что силой собственного желания и веры в свои силы можно свернуть горы и добиться всего, чего хочешь. Она была тогда – кажется, целую вечность тому назад – беззаботной и оптимистичной, хотя жизнь и в то время не слишком ее баловала. И у нее были друзья, во всяком случае, она считала этих людей для себя таковыми. Ошиблась, как то показала позже жизнь, но в тот период ещё верила в незыблемость этих отношений.

А ещё – тогда она могла себе позволить потратить целый вечер ради собственного удовольствия. И когда одна из подружек рассказала, что договорилась о посещении какого-то любительского хоккейного матча с последующей афтепати – охотно согласилась пойти за компанию.

Герман Ильинский был в тот вечер нереально хорош. Во всем – в том, как уверенно и мужественно двигался на льду, как смеялся, забив шайбу, как махал рукой трибунам, точно настоящая звезда... И ещё более притягателен оказался в неформальной обстановке после матча, хотя она весь вечер могла разве что наблюдать за ним со стороны. Ровно до тех пор, пока он, не напившись, едва не упал на неё, а затем, слово за слово, не попросил подвезти его до дома.

Смешно было вспоминать сейчас, как они добирались до его квартиры в центре города общественным транспортом. И неловко – то, как он попытался ее обнять, едва они вошли в прихожую. И хотя она могла, наверное, поддаться ему, потому что, совершенно определенно, он притягивал ее так, как никто прежде, Нино все же совершенно не желала оказаться для него наутро лишь безликим воспоминанием. Как бы ни хотелось прикоснуться к тому, кто при других обстоятельствах даже не посмотрел бы в ее сторону дважды.

Между ними, по большому счёту, не было абсолютно ничего. Ничего, кроме ее молчаливых сожалений о том, что никогда не могло сбыться.

С тех прошли годы и жизнь, очевидно, не пощадила не только ее, но и его. Устроившись в такси, Нино вспомнила страшные шрамы, уродовавшие теперь когда-то привлекательное лицо Германа. Слава Господу, что он почти сразу же после своего появления вышел из кабинета вместе с Ириной, давая тем самым Нино возможность свыкнуться с увиденным.

Нет, эти увечья не вызывали в ней такого уж отторжения. Смотреть на его обезображенное лицо было скорее... больно. И жутко – от понимания, как чувствует себя с такими шрамами он сам.

Но ее, впрочем, все это ничуть не касалось. Ему, конечно же, не нужно было ничьё сочувствие и все, что она должна была делать – это просто хорошо смотреть за его дочерью.

Но именно это и было самым трудным во всей ее ситуации.

Вопрос с поиском помощи для мамы решился в итоге неожиданно быстро. Свои услуги предложила им соседка из квартиры напротив – бывшая медсестра, которая слышала случайно, как Нино звонила по объявлению насчёт сиделки.

Не сказать, что они с этой Любовью Павловной имели теплые добрососедские отношения, но все же оставлять маму на кого-то знакомого казалось куда более надёжным, чем просто на человека со стороны. Хотя Нино знала, что беспокойство от того, что самолично не будет рядом с мамой, все равно не покинет ее ни на минуту. Но делать было нечего – в данных условиях приходилось чем-то жертвовать, и маме не было бы никакого толку, если бы Нино сидела с ней дома вместо того, чтобы работать и зарабатывать на необходимые лекарства.

На душе повисла тяжесть, когда следующим утром она, попрощавшись, вышла за пределы их маленькой квартирки, чтобы ехать на новое место работы. И причиной тому был не только страх за маму, но и боязнь перед всем, что ей отныне предстояло.

Добравшись до места, Нино дрогнувшей рукой позвонила в дверь, почти ожидая, что сейчас навстречу ей выйдет все тот же огромный охранник и скажет, что ее здесь никто не ждёт. И что Герман Ильинский нашел для своей дочери кого-то более подходящего и компетентного. Но этого не случилось. Ее молча пропустили внутрь и, сделав глубокий вдох, Нино приготовилась к тому, что отныне ей предстояло преодолеть самое главное препятствие – взглянуть своему жуткому страху прямо в лицо.

В доме ее встретила женщина – по всей видимости, домработница, которая показала Нино комнату, в которой ей предстояло отныне жить, после чего ушла, оставив ее посреди огромной спальни, которая была больше, чем вся их с мамой квартира, раза в два.

Разложив немногочисленные вещи в шкаф, Нино присела на кровать в ожидании, когда ее позовут к хозяину дома за распоряжениями, но спустя час за ней так никто и не пришел. Не в силах сидеть больше на одном месте, она вышла из спальни и направилась вниз, каждую секунду ожидая, что сейчас, словно из ниоткуда, выскочит очередной охранник и скажет, что она не должна ходить по дому вот так свободно, без разрешения, но, дойдя до знакомого кабинета, Нино так никого и не встретила. Казалось, что в доме, кроме нее, нет ни одной живой души, и, негромко постучав в дверь, она уже ожидала, что ответом ей будет тишина, но мужской голос неожиданно сказал:

– Войдите.

Распахнув дверь, Нино шагнула внутрь и, остановившись у самого порога, сказала:

– Доброе утро. Простите за беспокойство, но я просто хотела узнать, что мне следует сегодня делать.

Ильинский поднял на нее глаза и нахмурился, а она стояла, гадая о том, что было тому причиной. Возможно, ей следовало попросить инструкций у кого-то другого или, может, он рассчитывал, что она будет знать сама чем ей нужно заняться?

– Алины пока нет, – сказал наконец он и Нино автоматически кивнула. В доме действительно ничто не свидетельствовало о присутствии ребенка. – Я скоро заберу ее на гостевой режим, – добавил Герман. – Сразу, как только улажу бумажную волокиту. Вы же можете пока заняться обустройством детской. Наверное, у вас это получится лучше.

Она была в этом не так уж и уверена. Ей никогда не доводилось заниматься ничем подобным, ведь даже их с мамой скромное жилье не видело ремонта уже много лет.

– Мне нужно будет согласовать все с вами? – уточнила Нино, плохо себе представляя, с чего начать.

– Необязательно. Полагаюсь на ваш вкус, – ответил он и, выудив из кармана пиджака кошелек, бросил на стол банковскую карту. – Вот, возьмите, – указал он на нее кивком головы. – Закажите все, что нужно. Мебель, новые обои, игрушки и все такое прочее.

Подойдя к столу, Нино взяла карточку в руки и поймала на себе изучающий взгляд Ильинского. Только что именно он хотел увидеть в ее лице – она не понимала.

– Хорошо, спасибо, – коротко поблагодарила Нино и поспешила ретироваться.

С обустройством детской она уж как-нибудь справится. А вот что почувствует, когда возьмёт на руки этого ребенка – боялась даже вообразить. Но пройти через это ей неминуемо придется.

Два дня спустя детская была готова. С рисунка на новых обоях взирали веселые эльфы, в углу стояла плетеная белая колыбель и в тон к ней – такая же мебель: кресла, диван, а также резной, точно кукольный, шкафчик, расписанный пышными бутонами цветов. На полу – мягкий ковер солнечно-желтого цвета, на окнах – занавески такого же оттенка, с устроившимися на них искусственными бабочками.

В целом, комната получилась светлой и уютной – во всяком случае, Нино так казалось, и она очень надеялась, что Герман останется доволен ее работой.

Усадив на пол, недалеко от колыбельки, огромного мягкого медведя – будущего стража снов Алины, Нино ещё раз оглядела детскую и, оставшись довольной увиденным, повернулась к двери, намереваясь найти Ильинского, чтобы показать ему то, что получилось.

Но искать не пришлось. Герман уже стоял на пороге и задумчиво осматривал окружающую его обстановку.

– Вам нравится? – спросила Нино, когда его взгляд с колыбели проследовал к ее лицу, и ощутила, что сердце бьётся неожиданно сильно в ожидании его одобрения.

– Неплохо, – сказал он и добавил то, отчего Нино пришлось сцепить руки в замок, лишь бы не выдать того, как они предательски задолжали:

– Мы с Ирой поехали за Алиной. Ждите нас.

Неожиданный детский крик, разрезавший погребальную тишину особняка, дал понять, что Алина наконец-то прибыла домой. Собравшись с духом, Нино поспешила вниз, и замерла на последней ступеньке, при виде того, как Герман держит в своих руках розовый свёрток и покачивает его в объятиях, очевидно, пытаясь тем самым успокоить дочь. Рядом стояла его сестра и улыбалась, а сама Нино вдруг почувствовала себя здесь совершенно неуместной и лишней.

Невыносимо захотелось отступить назад и незаметно уйти, спрятавшись где-нибудь до тех пор, пока ее не позовут, но стоило только Нино пошевелиться, как заметившая ее присутствие Ирина подозвала ее к ним:

– Нино, идите сюда. Познакомьтесь с Алиной.

Ноги дрожали и подгибались, когда она сделала несколько шагов вперед, несмело приближаясь к младенцу, которого ей предстояло нянчить. А затем сердце ухнуло куда-то в пятки,

стоило только ей взглянуть на личико ребенка, и поймать ответный взгляд огромных серых глаз, смотревших, казалось, ей в самую душу.

И в этот момент стало так кристально и так пугающе ясно – все будет ещё труднее, чем она могла себе даже представить.

Он смог относительно успокоиться только когда наконец забрал Алину из этого ужасного дома и, прижав к себе, устроился в машине. Им даже разрешили её переодеть, и теперь она спокойно лежала у него на сгибе локтя в приличном комбинезоне.

– Клади её в кресло, – поджимая губы, будто её всё это очень веселило, проговорила Ира. – Разберёшься, как пристегнуть?

– Вот ещё. На руках подержу.

– Ну, уж нет, Ильинский. Безопасность ребёнка превыше всего. Клади.

И откуда, блин, в ней это всё бралось? Надо будет посоветовать сестре открыть клуб БДСМ, будет там доминировать в своё удовольствие.

– Если безопасность ребёнка превыше всего, то тогда будь добра, води не как обычно, а как водят нормальные люди, – буркнул Герман, всё же устроивая дочь в кресле и пристёгивая ремнями.

Малая, надо сказать, вела себя всё так же тихо, но Ильинский надеялся, что это ненадолго. Что она будет вести себя как обычные дети, когда окажется вне стен дома малютки. И было кое-что ещё, от чего у него уже сжималось сердце. Тот момент, когда время гостевого режима истечёт, и он будет вынужден отдать Алину обратно. Что он почувствует тогда? И – главное – что почувствует мелкая? И почему он не провентилировал этот вопрос заранее? Может, можно было бы оставить её до того дня, когда он уже оформит все эти чёртовы бумаги?

Когда они подъезжали к дому, вдруг случилось неожиданное. Герман как раз в тысячный раз думал о том, что надо будет созвониться с Русланом сразу по возвращении, когда салон автомобиля огласил... крик. Нет, он прекрасно понимал, что дети имеют обыкновение орать, но... почему-то настолько свyksя с мыслью, что Алина весьма молчалива, что это стало для него весьма удивительным событием.

– А мелкая свободу почувствовала, – не без удовлетворения проговорил он, склоняясь над дочерью.

Концерт продолжался ровно до тех пор, пока машина не въехала на территорию его дома, и пока они не вошли в холл. Герман держал мелкую на руках, неловко её укачивая. Что делать, чтобы она успокоилась, он не знал. Зато Ира выглядела ещё более весёлой, чем то было до этого момента, даря Ильинскому ощущение, что сестру всё это весьма забавляет.

– Нино, идите сюда. Познакомьтесь с Алиной, – окликнула она няню, которая застыла на лестнице, будто размышляла, остаться ли ей или быстро сбежать, пока ещё на это имеется шанс.

Герман не мог понять, почему она... боится. А он видел именно эту эмоцию, написанную на красивом лице. Снова в памяти возникла обрывочная картинка с участием Нино, весьма, надо сказать, приятная, но он поторопился прогнать её.

Когда няня всё же решилась и подошла к ним, Герман попытался улыбнуться, хотя прекрасно понимал, что это способно скорее напугать, чем подбодрить. И, неловко передав Нино Алину, которую она тут же прижала к себе, кашлянул. Когда их пальцы соприкоснулись, он почувствовал, какие они у Нино ледяные. Наверное, виной всему была весьма нестандартная ситуация, в которой она оказалась. Папаша-урод, ребёнок, который весит чуть больше пары килограммов. Ира, улыбающаяся во все тридцать два. Да тут бы любая на её месте разнервничалась.

– Давай отнесём её в детскую. Пусть посмотрим, где будет жить, – мягко обратился он к Нино и, взяв её под локоть, повёл к лестнице, чувствуя себя при этом одновременно неловко и удивительно цельно.

Следующие дни летели один за другим. Алина вела себя прекрасно – ночами почти не просыпалась, а дни проводила в основном с Германом. Напрасно он думал, что ему достаточно будет просто знать, что с ней всё в порядке, когда она окажется рядом. Только получив возможность быть с дочерью почти постоянно, он понял, что привязывается к ней всё крепче с каждым часом. И с ужасом представлял, что было бы, если бы Руслан не подсказал ему продлить время гостевого режима.

Новогоднюю ночь решено было отмечать втроем. Несмотря на Иру, которая очень активно намекала на то, что неплохо было бы собраться всей семьёй, Герман был непреклонен. Ему совершенно не желалось шумной компании, достаточно было и того, что Алина с Нино будут с ним. С последней у него установились весьма странные отношения, а может, таковыми они казались только ему. При встрече Нино просто делилась с ним успехами Алины или тем, как дочь вела себя ночью, а когда он уносил мелкую к себе, не появлялась в поле их зрения вплоть до момента, пока он не приносил малышку обратно. В общем же и целом его это устраивало, хотя и было довольно далёким от понятия «семья».

Сделав заказ в одном из ресторанов, чтобы блюда к новогоднему столу привезли на дом, Ильинский подошёл к окну и, засунув руки в карманы джинсов, взгляделся в полоску неба. Стремительно темнело. Короткий день уже заканчивался, а ему на смену приходил морозный вечер. Где-то вдалеке мелькали вспышки от взлетающих вверх салютов. Раньше он любил Новый год. У него даже ощущения были теми же самыми, что в детстве. Когда какая-то частичка чуда поселялась глубоко в душе и жила там ещё долго после того, как праздники оканчивались.

Но в последние три года всё было совсем иначе. Словно начинался тот отсчёт времени, который неминуемо завершался очередным приступом. Сколько бы секунд, минут и часов ни отделяло его от той злополучной январской даты, воспоминания не становились тусклее. Напротив, с каждым разом, когда возникали в голове, приобретали какие-то новые черты.

Он сделал глубокий вдох и увидел, что Нино гуляет по саду с коляской, и эта картина вдруг отозвалась в душе тем, от чего даже дыхание перехватило. Отойдя от окна, Герман схватил первую попавшуюся толстовку, после чего направился в сад.

– Я к вам, – безапелляционно, будто с ним кто-то намеревался спорить, произнёс Ильинский, принаравливаясь к шагу Нино.

В саду уже царил полумрак, разбавленный неяркими отсветами от фонарей, установленных вдоль расчищенных от снега дорожек. В доме охраны ярко светились окна, в которых можно было разглядеть мельтешение бликов от работающего телевизора.

– А мы скоро домой, – откликнулась Нино. – Алине пора ужинать.

– Хорошо.

Он не знал, что ещё сказать. Только спрятал руки глубже в карманы кофты. Снова вдалеке послышался грохот канонады от салюта, который запустил кто-то нетерпеливый. Интересно, а какие ощущения были у Нино от Нового года? Он покосился на идущую рядом девушку. О чём она мечтала, когда была маленькой? Какие подарки просила под ёлку? Сохранила ли до сих пор это предвкушение?

Неожиданно эти мысли разозлили. Она здесь потому, что работает няней его ребёнка. И точка.

– Ты ведь останешься на эту ночь? Не поедешь к родным? – задал Герман вопрос, слыша, как приглушённо звучит его голос.

– Останусь, конечно. А к родным съезжу, когда будет возможность. На пару часов.

– Окей. – Он остановился, и Нино, толкаящая перед собой коляску, последовала его примеру. – Ладно, я пойду немного посплю. Если будут бабахать и Алина не сможет заснуть, посижу с ней до утра, – процедил он, и прежде, чем Нино отозвалась, развернулся и зашагал к дому.

Ему снилась Оля. Миллиарды воспоминаний, словно острые иглы, впились под кожу. Сейчас, когда подсознание подкидывало ему те картинки, которые он загонял как можно глубже, Герман снова горел в огне. Ощущения, жадная потребность повернуть время вспять, необходимость прикоснуться к Оле, чтобы обмануть себя и поверить в то, что она живая... всё это хороводом кружилось в голове.

Он вглядывался в своё изуродованное лицо, отражающееся в зеркале, а рядом с ним стояла Оля. Но видел он её только там, по ту сторону холодного и равнодушного стекла. Она улыбалась, склонив голову набок. Всё такая же, какой он её помнил – настоящая, близкая, родная...

– Ты теперь с другой? – шепнула Ольга, и Герман вздрогнул. Разве мог он вообще думать хоть о ком-то, когда рядом была она?

– Нет. Ты вернёшься?

– Я буду ждать тебя здесь.

Она протянула к нему руку, касаясь гладкой поверхности с той стороны, и Ильинский тоже приложил ладонь к зеркалу. Совершенно неожиданно оно пошло трещинами. Там, где его касалась ладонь Германа, разбежалась по сторонам тонкая сетка изломанных линий, после чего стекло разбилось на осколки. Какие-то из них осыпались на землю, какие-то впились в руку, причиняя острую знакомую боль.

– Оля! – хрипло выдавил он из себя, но она уже исчезла. – Оля!

Герман повернулся вокруг себя, всматриваясь в очертания окружающей обстановки. Ничего и никого. Только безмолвие и то самое чувство, которое глодало его изнутри долгих три года – безысходность.

Когда Ильинский сел на постели, не сразу понимая, где находится, его сердце колотилось с такой силой, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Ему хотелось обратно, туда, где была Ольга, хоть Герман и понимал, что это всё самообман.

Он понял, что его разбудило – приглушённый плач Алины. Такой жалобный, словно с ней что-то произошло, и сейчас она нуждалась в помощи. Откинув одеяло, Герман вскочил с кровати и помчался к дочери.

– Что с ней? – выдохнул он, едва распахнул дверь детской.

Нино, держащая мелкую на руках, укачивала её и расхаживала по кругу, пока Алина кричала.

– Не знаю... Она так уже полчаса. Может, животик?

Нино подняла на него взгляд, и у Ильинского ледяная дрожь по позвоночнику прошла. Потому что увидел страх. Такой, какой бывает у загнанных животных.

– Дай её сюда, – грубо рявкнул он, забирая у Нино дочь. Та, на удивление, вдруг стала затихать, пока не успокоилась и не начала икать.

– Что ты ей давала? – потребовал он ответа у няни.

– Ничего... только смесь. Больше ничего.

– Хорошо.

Он прижал к себе Алину крепче и, направившись к выходу из детской, обернулся на пороге.

– Через час жду в гостиной. Новый год всё же.

Прозвучало, мягко говоря, дерьмово. Да и чувствовал он себя в этот момент точно так же. Но праздник обязывал. Не будут же они, в самом-то деле сидеть по углам, пока остальные празднуют.

Затворив за собой дверь, Герман вышел из комнаты и только тогда выдохнул с облегчением.

И всё же это была чертовски идиотская идея. Нанять кого бы то ни было. Он прекрасно справлялся сам, а наличие чужой женщины в доме лишь раздражало.

Ильинский уложил Алину на кровать, а сам сел рядом. Растёр ладонями лицо, которое покалывало. Стоило признаться себе в том, что виной всему был его сон. Воспоминания, которые он родил, резали по-живому острее ножа.

Сейчас ему хотелось спрятаться ото всех, как делал это последние несколько лет. Да, это было слабостью, но иначе он не мог.

– Г-у-у, – раздалось рядом тоненькое и пронзительное, и Герман с улыбкой повернулся к Алине.

Надо было гнать куда подальше свои настроения и желания. Ради неё. Потому что просто обязан сделать так, чтобы первый Новый год в жизни его дочери был настоящим. Пусть она его вообще не запомнит. Но при мысли о том, что она сейчас могла бы быть совсем не с ним, а в казённых стенах безликого дома малышки, ему становилось нехорошо.

– Ладно, давай уже пойдём и чего-нибудь замутим, – решил Ильинский, после чего подхватил дочь на руки и вышел в коридор.

Когда они с Алиной и Нино устроились за столом, до наступления Нового года оставалось пятнадцать минут. Переложив малышку в специальную люльку, которую установил рядом с собой, Ильинский взял бутылку шампанского. По телевизору шла какая-то феерическая ерунда, но вроде как именно она во всех семьях являлась обязательным атрибутом праздника, потому ерунду решено было оставить.

– С уходящим, – поднял он тост, когда наполнил бокалы шампанским.

И снова его начало накрывать. Эти приступы – если их таковыми можно было назвать – никогда не поддавались его контролю. Просто накатывали, накрывали с головой, и он ничего не мог с ними поделать.

Это вовсе не Нино должна была сидеть рядом с ним. А другая женщина, которую он так и не смог забыть и не забудет никогда. Это она должна была нянчить их детей, а после, ночью, ложиться с ним в одну постель, где он бы любил её, покуда на то хватит сил. Она, а не навязанная ему сестрой едва знакомая незнакомка.

Сдержав рвущееся из нутра негодование, Ильинский осушил бокал шампанского и налил себе ещё. Есть не хотелось. Праздник получался – дерьмовее некуда, вот только совсем не он был тому виной.

Алина смотрела на него, как ему показалось, с укором, и он перевёл взгляд на многочисленные блюда, расставленные на столе, которые зачем-то заказал в огромном количестве. А всему виной – его желание сделать правильно и в противовес этому – неумение подойти к вопросу хоть мало-мальски грамотно.

Он не сразу понял, что стало причиной того, что случилось дальше. Алина вдруг заёрзала и закричала, и Нино, быстро отставив бокал с шампанским, будто весь этот искусственно созданный праздник был ей в тягость, подскочила с места и устремила к малышке. По дороге задела фотографию на туалетном столике – тот единственный снимок, который он оставил на виду. Они с Олей на море за полгода до аварии. Счастливые, влюблённые и мечтающие о будущем. Рамка, свалившись со столика, соприкоснулась с полом и разлетелась на тысячи осколков. И Германа снова прошило болью, словно электрическим разрядом.

– Уйди! – выдохнул он, тоже вскакивая на ноги. Уронил бокал шампанского на ковёр, опёрся руками на стол и тяжело задышал. – Уйди, я тебя прошу.

Нино застыла на месте, а когда он всё же поднял взгляд, увидел, что она растеряна. И точно такая же чудовищная растерянность была у него в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.